

К 220-летию Александра Дюма

Альберт ИЗМАЙЛОВ

«Я НЕ ВИДЕЛ НИЧЕГО ПОДОБНОГО НОЧАМ ПЕТЕРБУРГА...»

Граф Кушелев-Безбородко в 1857 году познакомился в Париже с Александром Дюма и пригласил его в Петербург, передав ему деньги на поездку.

В России, как и в других странах Европы, произведения Александра Дюма были популярны, по ним русский читатель знакомился с жизнью Франции.

Петербургское лето 1858 года выдалось жарким, с душными ветрами, безоблачным небом, теплыми сухими вечерами. Дюма много ездил по петербургским окрестностям. Он был в восторге от живописного острова Валаама, фейерверков на Елагином острове, фонтанов и дворцов Петергофа. Его мальчишечье любопытство гармонично сочеталось с большим трудолюбием. В поездках он никогда не расставался со своим портфелем и при первой же возможности принимался за перо. Он занимался переводом, писал новый роман, путевые впечатления для своего журнала «Монте-Кристо».

Гостеприимно встретили его в дачном доме графа Кушелева-Безбородко. Аллеи и пруды полюстровского парка были со вкусом иллюминированы разноцветными фонарями.

«Мы остановились перед большой виллой, — писал Дюма в дневнике, — два крыла которой полукругом отходили от главного корпуса. На ступеньках подъезда выстроились слуги графа в парадных ливреях. Граф и графиня вышли из кареты, и началось целование рук. Потом поднялись по лестнице на второй этаж в церковь. Как граф и графиня переступили порог, началась обедня в честь „благополучного возвращения“, которую достопочтенному священнику хватило ума не затягивать. По окончании все обнялись, невзирая на ранги, и по распоряжению графа нас проводили каждого в свое помещение. Мои апартаменты были устроены на первом этаже и выходили в сад. Они примыкали к большому прекрасному залу, используемому как театр, и состояли из прихожей, маленького салона, бильярдной, спальни для моего слуги и меня. После завтрака я отправился на балкон. Передо мной открылся чудесный вид — к реке от набережной спускаются большие гранитные лестницы, над которыми воздвигнут шест футов пятьдесят высотой. На вершине шеста развевается знамя с графским гербом. Это — пристань графа, куда ступила Великая Екатерина, когда оказала милость Безбородко и приняла участие в празднике, устроенном в ее честь. Нева здесь раз в де-

Альберт Федорович Измайлов родился в Ленинграде в 1937 году, житель блокадного Ленинграда, кандидат филологических наук.

сять шире Сены. Она покрыта судами, груженными дровами, которые везут из центра России по внутренним каналам, построенным Петром. Эти суда никогда не возвращаются туда, откуда начали путь. Их продают вместе с грузом и разбирают на дрова. На другом берегу реки возвышается самое прекрасное культовое здание Петербурга — Смольный монастырь, ныне пансион благородных девиц. Живописность ансамбля немного портит своим казарменным видом огромное четырехугольное здание, равномерно прорезанное восьмьюдесятью окнами, оно было построено для дворянских вдов. Кроме судов, что стоят на якоре у берегов, оставляя середину реки свободной, река буквально кишит кораблями, которые идут под парусами вверх и вниз по течению, между ними от одного берега к другому снуют многочисленные пестрые лодки, окрашенные в разные цвета.

Если не считать двух колоколен на том берегу, где мы находимся, все строения низкие и без претензии (Дюма видел колокольни церквей на Охте, снесенных в 1930-е годы. — *А. И.*). Не надо забывать, что мы за пределами города. Большим пространствам недостает живости, и тем большее очарование придают им великолепные массы зелени.

От самого крыльца начиналась широкая, шагов в двадцать, липовая аллея, тянувшаяся примерно на километр. Это главная магистраль парка. По обе стороны за пестреющими цветами куртинами на мраморных пьедесталах возвышаются два бронзовых бюста раза в четыре больше натуральных размеров — князя Безбородко и графа Кушелева, двух зачинателей нынешнего рода Кушелевых-Безбородко. В парке нашлось место для речки, храма в коринфском стиле, в ротонде которого колоссальная бронзовая статуя Екатерины II, изваянной в виде Цереры. Еще есть две деревни и полторы сотни разбросанных там и сям домиков с садом и огородом. Около пятидесяти арпанов¹ парка предназначены исключительно для графа и его семейства, но по воскресным дням открыты для публики. Трижды на неделе для удовольствия гуляющих играет музыка. По воскресеньям музыканты одного из полков гарнизона играют перед дворцом на липовой аллее, и на эту музыку собираются до трех тысяч слушателей. В парке хватило места и для театра. Там собираются сыграть „Приглашение на вальс“ и еще пьесу сочинения самого графа, как только мой друг — виконт де Сансийон — прибудет к нам из Парижа».

Дюма понимал, что у домов, как и у людей, есть своя душа и свое лицо, на котором отражается их внутренняя сущность. Однако он ждал и надеялся найти и понять эту внутреннюю сущность в душах русских людей. Поэтому он живо вступал в разговоры.

На всех публичных сборищах вокруг Дюма разговоры отличались бойкостью, веселостью, смелостью. Говорили обо всем. О достопримечательностях Петербурга, Эрмитаже, частных галереях, о литературе. Повсюду, где появлялся Дюма, все обращали внимание на его высокую, полную, дышащую силой, весельем и здоровьем фигуру со шляпою в руке, поднятыми вверх густыми и курчавыми волосами с сильной проседью. Уже издали слышался его звучный, веселый голос, громкий и добродушный смех.

— Господа, — обращался он к гостям дома Кушелева-Безбородко, — я к вам являюсь запросто, без церемонии. Мы люди свои, литераторы... Я очень рад с вами познакомиться...

В нем не чувствовалось усталости после долгой дороги.

— Как понравился вам наш национальный экипаж — телега? — спросил его кто-то. — Я думаю, вас порядочно порастрясло?..

— Да, потрясло немного, — отвечал Дюма, — но это хорошо: это дает аппетит.

¹ Арпан — старинная французская единица измерения длины, равнявшаяся 180 парижским футам, то есть примерно 58,52 м.

Дюма со всеми был любезен, говорил без умолку.

— Господин Дюма, — спросил его один известный литератор, — как вы относитесь к недавней статье господина Монтегю о последней драме вашего сына?

— Чью статью? — переспросил Дюма-старший.

— Монтегю...

Дюма улыбнулся и произнес:

— Поверьте мне, дорогой, что я в глаза никогда не видел этого господина и не имею о нем никакого понятия, и я уверен, что сын мой также не знает его, мы этих господ не читаем. Мы все — я, Ламартин, Виктор Гюго — заранее знаем, что будут говорить о нас в том или ином журнале. Все это дух партий...

— Однако Монтегю — человек известный, — возразил кто-то.

— Какая известность, — горячо воскликнул Дюма, махнув рукою в воздухе, — кто знает всех этих господ! У нас на них порядочные люди не обращают внимания...

Разговор незаметно перешел на другую тему. Заговорили об окружающем пейзаже.

— Вот эта дача, очень мило и со вкусом выстроена, — заметил сопровождавший Дюма известный французский живописец Моне, — но зеленая крыша все испортила!

— О! Ваши ужасные крыши, это ужасная вещь! — воскликнул Дюма.

Когда к столу подали простоквашу, Дюма первую ложку попробовал с некоторой недоверчивостью, но когда распробовал вкус простокваши, то пришел в восторг и попросил еще.

Разговор продолжался живо и увлеченно. Дюма рассказывал о Людовике-Филиппе, о герцоге Орлеанском, о его жене, о принцессе Матильде, которую он очень хвалил, о Бонапарте, к которому не питал особого уважения.

— Господа, — произнес он в заключение, — я на своем веку пережил восемнадцать переворотов. Довольно с меня, не правда ли?

Александр Дюма распахнул дверь на террасу. Сошел с крыльца. Его белая рубашка белым пятном виднелась в сумерках белой ночи. Он медленно шел по аллее люстровского парка. Лунный свет струился по водной глади прудов. Где-то светился костер. И горьковатый запах слышался вдали.

В своем дневнике Дюма оставил запись: «Я не видел ничего подобного ночам Петербурга. Первую из этих ночей — ночь моего пребывания — я провел до утра на балконе дачи Безбородко, даже не помыслив о сне, несмотря на усталость предыдущих ночей».

Гуляя по парку, Александр Дюма набрел на скамью, на которой красовалась медная табличка: «Здесь сидела герцогиня Андерсон, укушенная господином Роджертсоном».

Дюма вопросительно поднял глаза на Александра Григорьевича Кушелева-Безбородко. Тот пояснил:

— Да, да, месье, мы можем поссориться со всей Европой, но только не с английским хозяином пивоваренного дела. Да и согласитесь, что женщина сотворена нам на погибель, и она источник всех наших бед...

Кто-кто, а Александр Григорьевич знал, что говорил.

— Да, это так, — ответил Дюма, — с любовницей можно расстаться, но жена, черт возьми, это другое дело, с нею вы связаны навсегда, вблизи или на расстоянии, безразлично...

Прогулявшись по парку, они сели за шахматный столик. Александр Григорьевич Кушелев-Безбородко сделал белыми дебютный ход e2—e4, выбрав французскую защиту. Александр Дюма предложил контригру по линии «с».

За игрой они продолжили разговор, начатый на прогулке.

Дюма рассказывал о своих петербургских впечатлениях. Отмечал, что его особенно поразило у русских вельмож, — это их гостеприимство, добродетель, которая, как

известно, редко уживается с цивилизацией, гостеприимство русских тем приятнее для иностранцев, что в русских домах бывает весело благодаря именинам, рождениям и различным праздникам, которых в России множество.

Александр Григорьевич говорил о фехтовании в России. Как любитель исторических фактов, он вспомнил о давних шведско-русских событиях в этих краях. Как весной 1301 года новгородский князь Андрей, по свидетельству древних грамот, подошел с дружиной к шведской крепости Ландскрона, стоявшей в устье реки Охты. Русские дозорные конные отряды, обогнув Ландскрону, прошли вдоль неевского берега вниз по реке. Они намеревались устроить здесь засаду и воспрепятствовать прибытию шведских кораблей.

— Отряд шведских рыцарей во главе со Стеном выехал из крепости и попытался воспрепятствовать работе русских. Однако шведы попали в засаду и с большим трудом вернулись в крепость, при этом сам Стен получил ранение. Это случилось как раз близ того места, где сегодня стоит наша дача.

Бой шел на мечах, так что русские давно научились хорошо владеть холодным оружием в рукопашном бою. И владея приемами боя на мечах, русские неплохо осваивают сегодня и борьбу на рапирах. Наш известный фехтмейстер Иван Ефимович Сивербрик преподавал искусство фехтования в Первом кадетском корпусе, написал книгу о борьбе на рапирах и эспадронах. Многие наши гости, актеры, литераторы неплохо владеют знаниями и навыками фехтования. Можно это проверить и у нас в парке, — предложил Александр Григорьевич, — давайте устроим бал-маскарад с костюмами персонажей из ваших «Трех мушкетеров».

Александрю Дюма это предложение понравилось. Он согласился участвовать в маскараде в костюме Атоса. Как известно, Атос был оптимистом, когда дело шло о вещах, и пессимистом, когда речь шла о людях.

— Эти места старого Петербурга я называл еще в своем романе «Записки учителя фехтования», — произнес Дюма, — упоминал вот эти изгибы Невы, прибрежные роскошные дачи вельмож, Охту и окрестности...

Дюма развел руки в стороны, потянулся, продолжил:

— В Петербурге, как и в Мадриде, принято отдыхать после обеда, все-таки летом здесь жарко...

После короткого послеобеденного отдыха Дюма в одном жилете, потный, задыхающийся, дымящийся, как вулкан во время извержения, продолжал работать на краешке стола, среди шума, без конца прерываемый гостями, никогда не отказывая им, разговаривая с ними...

Он творил с наслаждением, еще и еще раз перечитывая вслух свои диалоги, исправляя, делая их более естественными, возникающими как бы сами собой. Временами было слышно, как он громко и заразительно смеется. Видимо, написанное доставляло удовольствие ему самому. На его страницах оживали мушкетеры, совершенно иные люди, с другими взглядами, иначе видящие вокруг, иначе мотивированные.

А Александр Григорьевич в тот же вечер повстречал актера Александринского театра Петра Андреевича Каратыгина и предложил поучаствовать в маскараде. Петр Андреевич на миг задумался, сказал, что в память своего брата Василия Андреевича, игравшего в свое время роль Кина в пьесе Дюма «Гений и беспутство», с удовольствием предстал бы перед публикой в костюме Атоса, но, к сожалению, не сможет это сделать, так как уезжает на гастроли.

Стояло лето 1858 года. Вдоль неевского правобережья от здания госпиталя к Полуострову тянулись дачи.

Широкой известностью пользовался сад у здания Минеральных вод в предместье Полуострово. Летом эта сторона становилась излюбленным местом отдыха петербурж-

цев. В течение сезона здесь устраивались по праздникам вечера с роскошной иллюминацией, фейерверк.

Афиши, расклеенные по всему городу, на русском и французском языках приглашали послушать в саду музыкальный оркестр из Павловска под личным управлением Иосифа Гунделя, увидеть пляски цыган, насладиться оркестром Кавалергардского Ее Величества полка.

В день гулянья от Летнего сада к зданию вод отправлялись легкие невские пароходы, совершали выезды дилижансы.

Шумно и празднично было у пристани Минеральных вод. Торжественно причаливали пароходы. На палубах под тентами толпилась разряженная публика. Реяли на ветру красно-голубые флаги. Гремели по прибрежной мостовой дилижансы.

Хороши эти летние пригородные балы.

Несмотря на огромное стечение народа на том шумном полуостровском балу, как это ни странно, не было ни беспорядка, ни приставаний, ни краж, и молодая девушка, даже если она очутится здесь одна, могла чувствовать себя в безопасности. Ибо повсюду, где она появлялась, вроде бы случайно вырастали костюмированные Атос, Портос, Арамис и д'Артаньян.

В костюме молодой девушки — Констанции Бонасье — выступала Людмила Петровна Шелгунова. Ее образ привлекал каким-то особым простодушием, преданностью. В ее глазах можно было прочесть свет и тепло, а будучи рядом с ней, ощутить чистоту и доброту.

— Посмотрите, какая простота в обращении, какая грация в движениях! — воскликнул Дюма, увидев Шелгунову. — Вот это женщина, а все остальные манекены.

Почему-то рядом с ней на балу часто оказывался в костюме д'Артаньяна Михаил Илларионович Михайлов. И конечно, тут же появлялся и сам Дюма в костюме Атоса, который полушутя-полуревниво говорил Михайлову — д'Артаньяну:

— Сын мой, не продавайте своего верного коня, дайте ему умереть своей смертью. Лучше купите велосипед и займитесь делом. Люди должны быть свободными и ответственными профессионалами.

Тут же вступал в разговор в костюме Арамиса Аполлон Николаевич Майков:

Ты вечно будешь цвезть средь лавров, старый пруд.
И люди севера придут к садам твоим,
Внимая вод твоих таинственному шуму...
Пусть кардинал, завидя нас вдали,
От ужаса тотчас начнет креститься
И о спасении наших душ молиться
И петь псалмы за ветхи дни свои.
Но тише, стой! уж стук стальной подковы
Стал грохотом в широких воротах...

И фыркают кони, и на аллеях парка показывается группа гвардейцев кардинала, они спешат на помощь миледи. Ее как шпионку кардинала поймали мушкетеры. На берегу пруда, на подмостках, происходила ее казнь, обнажалась выжженная лилия на ее плече, и кто-то бросал палачу мешок с золотыми монетами, чтобы тот пощадил жертву, но палач выбросил мешок в пруд...

Гвардейцы кардинала спешили. На их пути вырастает фигура Портоса (Дмитрия Васильевича Григоровича) со шпагой в левой руке.

— Чем больше я узнавал женщин, — громко, чтобы слышали все, произносит он, — тем больше привязывался к лошадям...

— Раньше вы, бывало, ездили быстрее, — обращается он к гвардейцам, — Или ваши лошади состарились?!. Возвращайтесь домой, найдите себе верную жену и будете растить детей, жить долго и счастливо, а не то вы останетесь здесь навсегда...

К Портоосу со шпагами в руках подскочили д'Артаньян, Атос и Арамис.

Боевая поза этих вылитых из бронзы людей несколько смутила гвардейцев, и они, развернув коней, поскакали прочь.

— Шампанского! — крикнул Портоос. — Зачем за ними гоняться, для погони больше подойдет красное вино.

Мушкетеры сдвинули кубки, наполненные красным шампанским, привезенным с соседнего завода игристых вин.

Александр Дюма с умилением смотрел на эту картину, потом произнес:

— Никогда не бываешь в расчете с теми, кто нам помог. Когда денежный долг возвращен, остается долг благодарности, — и он, преклонив шпагу перед мушкетерами, благодарно им поклонился, заметив: — Сударь, обратите внимание! У вас на руке кровавое пятно...

— Это пустяки, — ответил д'Артаньян, — важно, что у меня на губах улыбка...

Дюма появлялся то тут, то там, желал все увидеть, почувствовать, познать.

На острове Тиволи летом можно было встретить в основном местное дачное население: студента в белой фуражке, гимназиста, гордо прогуливающегося с сестрой, офицера с тростью, барыню без кринолина.

Оркестр под управлением Лунда играл вальсы, польки, кадрили.

Все это наблюдал Дюма. Он ходил между гуляющими, покупал у разносчиков хлопушки, заставлял своего секретаря срисовывать карандашом строения дачи, парк, пруды, невскую пристань, набережную, гуляющих дачников.

Сам он однажды присутствовал здесь на странной свадьбе. Прибывший вместе с Дюма в Россию фокусник Юм венчался с сестрой жены графа, урожденной Кроль. Шаферами со стороны Юма были два флигель-адъютанта: граф А. Бобринский и граф А. К. Толстой, автор многих литературных сочинений.

Дюма остался доволен состоявшимся обедом: щами, кашей, пирогом с рыбой, поросенком с хреном, утками, свежепросольными огурцами, жареными грибами и сладким слоеным пирогом с вареньем. Вдобавок он выпил много сельтерской воды с коньяком.

На этой свадьбе Дюма познакомился с молодым писателем Д. С. Григоровичем, который стал его проводником по Петербургу и его окрестностям, познакомил известного француза со многими петербургскими писателями. Григоровича стали называть «нянюшкой Дюма». Мать Григоровича была француженкой. Сам Григорович говорил по-французски, обладал талантом комически рассказывать разные бывалые и небывалые сцены о каждом своем знакомом. Для Дюма он был сушим кладом.

Поэт Лев Александрович Мей чересчур весело пытался говорить о литературе, порывался читать свои стихи, затем стал откровенно и незатейливо объяснять Дюма то, что о нем думают в России и что пишут о нем газеты. Все это оскорбило автора «Трех мушкетеров», «Графа Монте-Кристо» и «Королевы Марго». Он даже хотел вызвать обидчика на дуэль. Однако Григорович и Кушелев-Безбородко успокоили француза, шутиво объяснив этот легкомысленный поступок чрезмерным воздействием шампанского. Дюма же, вроде бы и получив оскорбления, но как истинный мудрец их не принял.

Некоторые петербургские газеты действительно неодобрительно отзывались о Дюма, ссылаясь на то, что все равно ничего хорошего о России французский писатель не напишет.

После обеда Дюма окружили гости, расспрашивая о его впечатлениях. Кто-то подошел к нему и с высоты своего чиновничьего самосознания произнес:

— Вот вы приехали в обновляющуюся Россию, что увидели в ней?

— Это очень похвально, что вы, сударь, называете свою страну обновляющейся, — отвечал Дюма, — но не считаете ли вы, что вслед за эпохой философских веяний наступает эпоха чисто аналитическая, что за деспотизмом приходит либерализм и что он является одной из болезней нашего века. Требовать от действительности не того, что она дает, а то, о чем мы гадаем, значит отшатнуться от нее, замкнуться гордо в себе и настойчиво следовать своим выдуманным схемам.

Дюма внимательно посмотрел на собеседника и продолжил:

— Следует быть смелее, стремиться к необъятному, праведному. Стремиться позвать руку великому, называемому Вселенной, подарить ей свой поцелуй, услышать, как бьется ее сердце. И вместе с тем надо зримо ступать по земле, пахать землю. Выращивать и сохранять плоды и стараться пахать как можно глубже...

Конечно, за визитами Дюма, за его перепиской следили офицеры корпуса жандармов и III отделения. Из их донесений царю был известен каждый шаг французского писателя на российской земле. Но это не мешало французскому гостю свободно передвигаться по столице. Он продолжал регулярно посылать в Париж «отчеты» о своем путешествии. Сознавая, что в политике нет людей, а есть идеи; нет чувств, а есть интересы. И что явные враги еще не самые опасные.

Наступил вечер. Дюма вошел в гостиную. Опустился в кресло у раскрытого окна. Перед ним виднелся тенистый сад, спускавшийся к пруду, призрачный туман одевал окрестности, пел о чем-то соловей.

Дюма достал из потертого портфеля пухлую тетрадь, взглянул на портреты, висевшие над головой. Они изображали одну и ту же женщину в разные годы. Он стал быстро записывать что-то в тетрадь, словно стараясь передать словами те чувства, которые шевельнулись в нем под взглядом этой женщины. Эта женщина чем-то была похожа на русскую певицу госпожу Леонову, солистку Мариинского и Большого театров, с которой он познакомился недавно.

В тетради он писал о том, как на поезде поехал в Германию для того, чтобы оттуда плыть на пароходе в Петербург, писал о первых впечатлениях о городе, о том, как «вошли в Неву, устье которой раз в шесть шире Сены. Пристали близ Николаевского моста. В эпоху Петра I не было мостов через Неву. Заядлый моряк, Петр считал, что каждый житель города должен стать таким же моряком, как он сам. Реку пересекали на кораблях, что было не всегда безопасно...»

Он отложил тетрадь, взял в руки чистый лист и быстро набросал письмо милой Женни, с которой его познакомили в салоне Нарышкиных: «Относительно обеда я вполне полагаюсь на вас; только обязательно должны быть раки и карп, вино к угрю, неперетушенному и непереперченному. Я приготовлю матлот и раков. Я слишком доволен, чтобы быть остроумным. Могу только целовать вам ручку, завидуя тому, кто целует то, что я не целую. Конечно, я очень рад пообедать вместе с испанским послом д'Оссуном, мой друг художник Муане целует шнурки ваших ботинок. Сердечно преданный Дюма».

В этой поездке Александра Дюма сопровождал французский художник Жан Пьер Муане. Пейзажи, выполненные в России, принесли ему известность и неоднократно экспонировались на парижских выставках. Французская публика впервые познакомилась с российской провинцией и нашей природой именно благодаря зарисовкам Муане.

Утром, открыв глаза, Дюма с удивлением наблюдал, как дюжина мужиков натирают полы в его комнате. Нисколько не стесняясь спящего гостя, они спокойно делали

свою работу, хотя все это они могли бы проделать в другое время, не мешая сну постояльца. По ночам его будил звук колотушки сторожа.

Вместе со своими петербургскими друзьями Дюма осмотрел фонтаны Петергофа, посетил ресторан «Самсон», своеобразно оценил русскую кухню в своих очерках: «Россия гордится своей национальной кухней, — блюдами, которые могут приготовить лишь русские и никакой другой народ, полагая, что только в их огромной империи имеются продукты, которых нет в других странах. В числе этих блюд — уха из стерляди. Русские с ума сходят по этой ухе... Откровенно выразим свое мнение об ухе из стерляди. Убежден, что затрагиваю болезненное место, но ничего не поделаешь, истина прежде всего. Дело в том, что стерлядь водится лишь в некоторых реках — я уже упомянул Оку и Волгу; она может жить только в той воде, где родится, и для того, чтобы доставить ее живую в Петербург, ее везут в этой воде. Если ее привезут не живой, то стерлядь будет стоить столько же, сколько кобыла Роланда, имевшая один недостаток: она была мертвая, то есть не будет стоить ничего. Одно дело летом, но зимой! Зимой, когда мороз достигает 30-ти градусов, а рыбу надо везти семьсот или восемьсот верст и доставить живой, — очевидно, что это исключительно трудное дело. <....> Культ стерляди в России — это не какое-то рациональное поклонение, это просто фетишизм. И все-таки я рискну выступить против массового восхищения стерлядью. Французские повара не любят эту рыбу, а соответственно, не прилагают никаких усилий, чтобы подобрать соусы к рыбе, которая им не нравится. Нет ничего проще: это не кулинарный аспект, а философский».

И хотя повар на графской усадьбе не всегда мог угодить Александру Дюма, но иногда, зная пристрастие французского гостя к кулинарным изыскам, старался ему угодить.

Рассказывая, как его угощали икрой, взятой у еще живого осетра, Дюма отмечал: «Русские больше всего на свете любят икру и цыганок» — и делал вывод: «В России ничего не делается так, как в других странах».

Вспоминая об увиденном, он иронично заметил, что «в России невозможно поужаться в тратах; здесь всякая трата неизбежно переходит в растрату, и, однажды начав, здесь никак не могут остановиться».

Взойдя на обратном пути на борт парохода, Дюма скрупулезно подсчитал свои трофеи из подаренного ему на бесчисленных ассамблеях оружия и сувениров. А также скалькулировал свои расходы: «Во время моего путешествия по России (а я проехал 4000 лье) я истратил в течение 10 месяцев немногим более 12 000 франков, из которых 3000 ушло на покупки».

Довольный итогом, он сделал вывод: вся человеческая мудрость заключается в двух словах: ждать и надеяться! И хорошо, что на этом свете каждый имеет свою точку зрения, не мешающую ему видеть точку зрения другого.

А в полуостровском парке прозрачное безоблачное небо в сумерки озаряется ярким светом фейерверка. Теплый, смягченный запахом воды воздух, красота берегов, прекрасные северные белые ночи. Звуки гитар, чарующих русских песен.

Ночь была тихая, теплая, светлая, одна из тех летних ночей Петербурга, которые случаются как бы единственным вознаграждением за все тревоги и неприятности, какие горожане терпят в продолжение долгих холодных месяцев. Одна из тех ночей, в которые Нева отражает в своих покойных светлых водах и небо, и ряды домов, и кусты черемухи и сирени, а в это время неугомонный соловей дребезжит своею непрерывной трелью, щелкает, свищет, словно хочет передать миру свою чудную весеннюю любовь.

И наш северный городской житель в эту пору становится поэтом. И можно встретить на берегах рек, каналов, озер, прудов молодых парней с гитарой в руках, распевующих какой-нибудь незатейливый романс:

Хорошо тому на свете жить,
У кого нету заботушки
В ретивом сердце зазнобушки.
Зазнобил меня сердечный друг,
Зазнобил, сердце повисушил,
Без мороза сердце вызнобил.
Без красного солнца высушил...

Вокруг человека с гитарой расположились несколько молодых людей, кто на траве, кто на какой-то доске, все заслушались мелодией. Грустный мотив потянулся снова и снова, со всеми своими переливами, словно грусть гложет сердце, не расступится, пока вдруг удаль не выплеснется наружу, пока не топнет лихо ногой молодой паренек, поправит шапку набекрень и развернет веселый аккорд да взвизгнут где-то вдалеке молодки.

...А за оградой полюстровского парка прошумел трамвай. Трамвай, заблудившийся из какого-то века? И мальчик робко протянул мне шляпу. Поэт прочел свои стихи:

Бежишь на шум воды, и так отрадно
У свежих струй, лиющихся из уст,
Угодливых тритонов видеть в гроте мрачном...
И белую березку над прудом.